

Сестрица Алёнушка, братец Иванушка

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Алёнушкой. Вот царь с царицею померли, остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасётся стадо коров.

— Я хочу пить, — говорит Иванушка.

— Не пей, братец, а то будешь телёночком, — говорит Алёнушка.

Он послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей.

— Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется.

— Не пей, братец, а то сделаешься жеребёночком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше, шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец.

— Ах, сестрица, мне страшно пить хочется.

— Не пей, братец, а то будешь баранчиком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят ручей, а возле стерегут свиней.

— Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется.

— Не пей, братец, а то будешь поросёночком.

Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят: пасётся у воды стадо коз.

— Ах, сестрица, я напьюся.

— Не пей, братец, а то будешь козлёночком.

Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козлёночком, прыгает перед Алёнушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!»

Алёнушка обвязала его шёлковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет... Козлёночек бегал-бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидали и тотчас доказывают царю:

— У нас, ваше царское величество, в саду козлёночек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица.

Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают её: откуда она и чьего роду-племени?

— Так и так, — говорит Алёнушка, — был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я — царица, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козлёночком.

Люди доложили все это царю. Царь позвал Алёнушку, расспросил обо всём; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козлёночек с ними — гуляет себе по саду, а пьёт и ест вместе с царём и царицею.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Алёнушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе всё приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу:

— Али ты чем нездорова?

— Да, хвораю, — говорит царица.

На другой день царь опять поехал на охоту. Алёнушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит:

— Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду.

Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уж дожидается, схватила её, навязала ей на шею камень и бросила в море. Алёнушка пошла на дно; козлёночек прибежал и горько-горько заплакал. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на стол и сели обедать.

— А где же козлёночек? — спрашивает царь.

— Не надо его, — говорит колдунья, — я не велела пускать; от него так и несёт козлятиной!

На другой день, только царь уехал на охоту, колдунья козлёночка била-била, колотила-колотила и грозит ему:

— Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать.

Приехал царь; колдунья так и пристаёт к нему:

— Прикажи да прикажи зарезать козлёночка; он мне надоел, опротивел совсем!

Царю жалко было козлёночка, да делать нечего — она так пристаёт, так упрашивает, что царь, наконец, согласился и позволил его зарезать. Видит козлёночек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю и просится:

— Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь пустил его. Вот козлёночек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок.

Огни горят горючие,

Котлы кипят кипучие,

Ножи точат булатные,

Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!

Тяжёл камень ко дну тянет,

Люта змея сердце высосала!

Козлёночек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится он у царя:

— Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь пустил его. Вот козлёночек прибежал к морю и жалобно закричал:

Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок.

Огни горят горючие,

Котлы кипят кипучие,

Ножи точат булатные,

Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!

Тяжёл камень ко дну тянет,

Люта змея сердце высосала!

Козлёночек заплакал и воротился домой. Царь и думает: что бы это значило, козлёночек всё бегаёт на море? Вот попросился козлёночек в третий раз:

— Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь отпустил его и сам пошёл за ним следом; приходит к морю и слышит — козлёночек вызывает сестрицу:

Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок.

Огни горят горючие,

Котлы кипят кипучие,

Ножи точат булатные,

Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!

Тяжёл камень ко дну тянет,

Люта змея сердце высосала!

Козлёночек опять зачал вызывать сестрицу. Алёнушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил её, сорвал с шеи камень и вытащил Алёнушку на берег, да и спрашивает: как это случилось? Она ему всё рассказала. Царь обрадовался, козлёночек тоже — так и прыгает, в саду всё

зазеленело и зацвело. А колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костёр дров и сожгли её. После того царь с царицей и с козлёночком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили и ели.

261

Идут двое сироток — сестрица Алёнушка с братцем Иванушкой по дальнему пути, по широкому полю, а жар-то, жар их донимает. Захотелось Иванушке пить:

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдём до колодца.

Шли-шли — солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца?

— Не пей, братец, телёночком скинешься.

Братец послушался, пошёл дальше. Солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца?

— Не пей, братец, жеребёночком станешь.

Вздохнул Иванушка, опять пошёл. Солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит баранье копытце полно водицы. Братец увидел его и, не спросив с Алёнушкой, выпил до дна. Алёнушка зовёт Иванушку, а вместо Иванушки за ней бежит беленький баранчик. Догадалась она, залилась слезами, села под стожок — плачет, а баранчик возле неё по травке скачет. Ехал мимо барин, остановился и спрашивает:

— О чём ты, красная девушка, плачешь?

Рассказала она ему свою беду.

— Поди, — говорит, — за меня; я тебя наряжу и в платье и в серебро и баранчика не покину: где будешь ты, там будет и он.

Алёнушка согласилась; обвенчались и жили так, что добрые люди, глядя на них, радовались, а дурные завидовали.

Один раз мужа не было дома, Алёнушка оставалась одна. Ведьма навязала ей на шею камень и бросила в воду, а сама нарядилась в её платье и заселилась в

барских палатах; никто её не распознал, сам муж обманулся. Одному баранчику всё было ведомо, один он печалился, повесил голову, не брал корму и утро и вечер ходил около воды по бережку да кричал: «Бя, бя!» Узнала о том ведьма, и нелюбо ей стало; велела разложить костры высокие, разогреть котлы чугунные, наточить ножи булатные и говорит:

— Барана надо зарезать!

Послала слугу его поймать. Муж дивится: как жена-то любила барана, мне надоела — пой его, корми его, а то велит резать! А баранчик споведал, что ему недолго жить, лёг на бережку и причитывает:

Алёнушка, сестрица моя!

Меня хотят зарезати;

Костры кладут высокие,

Котлы греют чугунные,

Ножи точат булатные!

Алёнушка ему в ответ:

Ах, братец мой Иванушка!

Тяжёл камень шею перетёр,

Шёлкова трава на руках свилась,

Жёлты пески на груди легли!

Человек слушает, что за чудо? Пошёл, сказал барину; стали оба караулить. Баранчик пришёл и опять стал вызывать Алёнушку и плакаться над водою:

Сестрица моя, Алёнушка!

Меня хотят зарезати;

Костры кладут высокие,

Котлы греют чугунные,

Ножи точат булатные!

Алёнушка ему в ответ:

Ах, братец мой Иванушка!

Тяжёл камень шею перетёр,
Шёлкова трава на руках свилась,
Жёлты пески на груди легли!

«Людей! Людей! — закричал барин. — Собирайся, челядь дворовая, запускай невода, закидай сети шёлковые!» Собралась челядь дворовая, закинула сети шёлковые; Алёнушка и поймалась. Вытащили её на бережок, отрезали камень, окунули её, сполоснули в чистой воде, белым полотном обернули, и стала она ещё лучше, чем была, и обняла своего мужа. Баранчик стал опять братец Иванушка, и зажили все по-старому, по-хорошему, только ведьме досталось; ну да ей, говорят, туда и дорога, об такой не жалеют!

262

Жили сестрица и братец, и пошли они в лес по ягоды. Шли-шли; вот на дороге лежит лошадино копытце с водицей; вот братец и говорит:

— Сестрица, я пить хочу; я в этом копытце напьюсь.

— Нет, не пей, братец, коняшка будешь.

Ещё шли-шли, коровье копытце стоит.

— Сестрица, сестрица, я пить хочу!

— Нет, не пей, бычок будешь.

Шли-шли; стоит овечье копытце.

— Сестрица, сестрица! Я напьюсь.

— Нет, не пей, баранчик будешь.

Шли, шли; стоит козино копытце.

— Сестрица, сестрица, я напьюсь!

— Нет, не пей, а то козельчик будешь.

Пошли дальше; он не утерпел, отвернулся и напился, и обратился козельчиком, бежит и блеет.

— Я говорила тебе: не пей!

Идут; барин едет и говорит:

— Продай, девушка, козельчика.

— Нет, он у меня не продажный; это мой братец, а не козельчик!

Барин взял обоих их, увёз и на девушке женился и козельчика ласкал.

Вот барин уехал, а эту жену его, Алёнушку, дворовые ненавидели, взяли привязали ей на шею камень большущий и бросили в реку, а вместо её другая убралась в её платье. Барин приехал и не узнал. Эта другая жена хотела известь и козельчика и велела барину зарезать его.

— Я. — говорит, — хочу козлиного мясца.

Барин велел слугам зарезать козельчика. Козельчик почувал, приходит к барину и говорит:

— Барин, барин! Пусти меня на речку водицы испить, кишочки промыть, твоей барыне лучше будет кушать!

— Ступай, да не уходишь.

Он пошёл, на бережку сел и стал кричать:

— Алёнушка, сестричушка, тебе тошно, а мне тошней твоего; меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят немецкие, огни горят всё жаркие!

А она ему говорит, выныривая из реки:

— Иванушка, родимый мой, тебе тошно, а мне тошней твоего; тяжёл камень ко дну тянет, бела-рыба глаза выела, люта змея сердце высосала, шёлкова трава ноги спутала!

Козельчик пошёл домой, полежал и опять у барина просится на реку; барин пустил и послал следом слугу посмотреть, зачем он часто ходит туда. Козельчик сел на бережку и опять закричал:

— Алёнушка, сестричушка, тебе тошно, а мне тошней твоего; меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят немецкие, огни горят всё жаркие!

Она ему говорит:

— Иванушка, родимый мой, тебе тошно, а мне тошней твоего; тяжёл камень ко дну тянет, бела-рыба глаза выела, люта змея сердце высосала, шёлкова трава ноги спутала!

Пришли домой, слуга ничего не сказал барину; а козельчик немножко повернулся и опять просится у барина на речку водицы испить, кишочки

промыть. Барин отпустил и сам пошёл следом. Козельчик сел на бережку и стал опять кричать:

— Алёнушка, сестричушка, меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят немецкие, огни горят всё жаркие!

И она выныривает из реки и говорить стала:

— Иванушка, родимый мой!..

Как барин то угадал, да вдруг кинется и вытащил её; узнал обо всём, всех пересёк, а которая на место её сделалась (ту) прогнал; а с этой начал жить-поживать по-прежнему, и козельчику стало хорошо.

263

Жил старик со старухой. У них был сынок Иванушка и дочка Олёнушка. Отец послал их в лес за ягодками. Они пошли; пришли в лес и нашли земляночку. Олёнушка сказала:

— Давай, братец, взойдём в эту землянку.

Взошли и увидели: лежит на печи и спит яга-баба. Они сели на лавку и стали играть Олёнушкиным кольчиком. Долго ли, коротко ли в ней посидели, потом вышли из землянки. Отойдя немножко, Олёнушка сказала:

— Ох, братец Иванушка! Я кольчико-то позабыла в землянке на окошечке; поди возьми его, да смотри не лижи козлиного сальца, что на лавочке лежит.

Пошёл Иванушка и дорогою сам с собою думает: что мне сестрица не велела лизать сальца? Пришёл в землянку, взял кольчико и лизнул сальце, да и сделался козлом. Надел кольчико на рога, бежит к Олёнушке и блеет по-козлиному.

— Ох ты дурачок, Иванушка! — говорит Олёнушка. — Ведь я тебе наказывала, чтобы не лизал сальце; а ты не послушал-таки меня!..

Взял их барин к себе, и живут они у него с год времени.

Вот пришли к Олёнушке дочери яги-бабы, зовут её купаться. Долго она отказывалась; наконец уговорили. Пришли к воде, скинули с себя рубашки, полезли в воду. Ягины дочери привязали Олёнушке на шею камень и пустили с ним в воду...

Козлёночек ходит на бережок и горько плачет, приговаривая:

— Олёнушка, сестрица моя! Ты выдь ко мне, ты выгляни: я братец твой, Иванушка, пришёл к тебе с нерадостной весточкой, меня, козла, убить хотят, зарезати...

Олёнушка из воды отвечает ему:

— Ох, братец мой Иванушка! Я рада бы к тебе выглянуть, тяжёл камень ко дну тянет...

Слуги прошли за козлёночком, и как на его голос выглянула из реки Олёнушка — они тотчас схватили её и вытащили на берег. Барин взял Олёнушку к себе в дом, а козла Иванушку пустил в сад гулять, а дочерей яги-бабы приказал расстрелять.